

Российско-американские отношения
в поисках стабильности

Рец. на кн.: *Peterson J.W.*

Russian-American relations in the post-cold war world.
Manchester: Manchester University Press, 2017

Виктория И. Журавлёва

*Российский государственный гуманитарный университет
Москва, Россия, zhuravlevavic@mail.ru*

Для цитирования: Журавлёва В.И. Российско-американские отношения в поисках стабильности: Рец. на кн.: *Peterson J.W.* Russian-American relations in the post-cold war world. Manchester: Manchester University Press, 2017 // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2022. № 1. С. 131–137. DOI: 10.28995/2073-6339-2022-1-131-137

Russian-American Relations in the Pursuit of Stability

Book Rev.: Peterson, J.W. (2017),

Russian-American relations in the post-cold war world.

Manchester University Press, Manchester, UK

Victoria I. Zhuravleva

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia
zhuravlevavic@mail.ru*

For citation: Zhuravleva, V.I. (2022), “Russian-American relations in the pursuit of stability, Book Rev.: Peterson, J.W. (2017), *Russian-American relations in the post-cold war world*. Manchester University Press, Manchester, UK”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Political Science. History. International Relations” Series*, no. 1, pp. 131-137. DOI: 10.28995/2073-6339-2022-1-131-137

С момента погружения российско-американских отношений в глубочайший после окончания холодной войны кризис специалисты по обе стороны Атлантики обращаются к предшествующему периоду постбиполярного развития. Их неизменно интересуют

ответы на вопросы, почему две страны никак не могут найти рецепты стабильности в своих взаимоотношениях, какая из них и когда допустила роковые ошибки [Stent 2014¹; Charap, Colton 2016; Legvold 2016].

Появление обобщающих работ, посвященных комплексному и взвешенному осмыслению отношений США с постсоветской Россией на пути от окончания холодной войны к новому витку напряженности особенно важно для постепенного процесса превращения истории этого периода из предмета политических и идеологических манипуляций в предмет академических рефлексий. Распад СССР и окончание холодной войны, ее наследие, равно как и наследие 1990-х и 2000-х гг., продолжают вызывать споры среди ученых и экспертов, интегрируются в общественный дискурс и используются для обоснования внешней политики и решения внутриполитических задач в обеих странах.

Вот почему публикация книг, подобных работе заслуженного профессора политических наук Джеймса Петерсона, представляет особый интерес. Это учебное пособие адресовано не только студентам и аспирантам, но также политикам и экспертам. А то, что книга вышла в 2017 г., в начале президентства Д. Трампа и до последнего падения в пропасть конфронтации, завершившегося отзывом послов из Вашингтона и Москвы, делает ее более уравновешенной в оценках.

Четко структурированный и написанный на основе авторской концепции текст выстраивается вокруг основных моментов двустороннего взаимодействия в постбиполярном мире: окончание холодной войны, Балканские войны 1990-х гг., процесс расширения НАТО на Восток, война с глобальным терроризмом и вторжение США в Ирак, российско-грузинская война 2008 г., американская программа глобальной противоракетной обороны, Арабская весна и Ближневосточный кризис, американский и российский «поворот на Восток», связанный с возвышением Китая и изменением расстановки сил в Азии. Особое звучание в свете последних переговоров России и НАТО в январе 2022 г. приобретает обсуждение вопроса о включении в Североатлантический альянс новых участников в Восточной Европе [Sarotte 2022].

Автор подчеркивает нежелание экспертов, государственных и общественных деятелей в США брать в расчет успех политики В.В. Путина по продвижению идеи национального величия в постсоветской России, коррелирующей со статусом СССР на всем протяжении холодной войны. При этом, как справедливо замечает

¹ В русском переводе книга вышла в 2015 г.: [Стент 2015].

Петерсон, непонимание Россией мотивов американского вторжения в Ирак и Афганистан, а Соединенными Штатами российских мотивов в войнах с Чечней и в грузино-осетинской войне августа 2008 г. внесло важный вклад в эрозию отношений. Это тотальное непонимание и искажение мотивации противоположной стороны препятствовало процессу конвергенции, что в полной мере проявилось в период Гражданской войны в Сирии (с. 10–11).

Теоретико-методологическая база книги формируется за счет анализа пяти моделей международного порядка (баланса сил, биполярности, однополярности, многополярности/полицентричности, непрерывного хаоса) и пяти теорий международных отношений (системной, наследия, критических/поворотных моментов, реализма и ревизионистского реализма), которые используются автором для объяснения логики и динамики российско-американских отношений в период от окончания холодной войны до 2014 г.

Отталкиваясь от форматов советско-американских отношений в годы холодной войны, он ищет их присутствие во взаимоотношениях США с постсоветской Россией. По его мнению, задуманный создателями Ялтинско-Потсдамской системы баланс сил воплощается в стремлении В.В. Путина оспорить американское лидерство и реализовать равноправное партнерство, или в программе перезагрузки администрации Б. Обамы на ее начальном этапе. В свою очередь, в рамках современной полицентричной системы международных отношений наметилась тенденция к биполярности в российско-американских отношениях. Однако, на мой взгляд, требует уточнения тот факт, что в данном случае речь идет не столько о глобальной биполярности, как это в большей степени проявляется в американо-китайских отношениях, сколько о региональной.

Полицентричная система, пишет Петерсон, начала формироваться внутри капиталистического и социалистического лагерей еще в 1960–1970-е гг. Входившие в них страны бросали вызов господству СССР и США, равно как и движение неприсоединения. Тенденция к полицентричности к концу холодной войны сохранилась, будучи связана с укреплением позиции Китая и Японии. Однако параллельно в советско-американских отношениях актуализировалась модель однополярности, причиной чему стало ослабление Советского Союза. Это нашло свое выражение в упоении триумфализмом в Соединенных Штатах после его распада и в их движении от лидерства к гегемонии.

С данным наблюдением автора нельзя не согласиться, равно как и еще с двумя. Во-первых, переход от Второй мировой войны к холодной сложно вписать в какие-либо существующие модели,

подобно тому, как не вполне возможно это сделать при переходе от холодной войны к постбиполярному миру 1990-х гг. Во-вторых, ни одна из моделей не может всеобъемлюще описать динамику развития советско-американских отношений в период с 1946 по 1991 г. И то же самое можно сказать про постбиполярный мир. Однако тогда возникают закономерные вопросы: насколько уместно и продуктивно оперировать понятием «новая холодная война» в приложении к современным российско-американским отношениям; дает ли экспертам и политикам какое-либо реальное знание о перспективах их развития подобное обобщение или, напротив, затуманивает смысл происходящего, мешая его всестороннему осмыслению.

Как верно замечает Петерсон, система взаимоотношений США и постсоветской России не находилась в застывшем состоянии, пережив очередной (не первый и не последний) цикл надежд и разочарований. А на их логику и динамику оказывало влияние наследие холодной войны, проявляющееся, например, в активном манипулировании «русской угрозой» в США и «американской угрозой» в России (теория наследия). При этом обе стороны неоднократно демонстрировали желание его преодолеть. В свою очередь, теория критических поворотов, к которой апеллирует автор, позволяет обратить внимание читателя на взаимосвязь между сменой внутриполитических траекторий развития и российско-американскими отношениями. Как, например, случилось при переходе власти от Б.Н. Ельцина к В.В. Путину в России или от администрации республиканца и неоконсерватора Дж. Буша-мл. к администрации демократа и неолиберала Б. Обамы в США.

Осмысление российско-американских отношений сквозь призму теории реализма позволяет автору продемонстрировать, что обе страны в следовании собственным национальным интересам использовали как наступательную, так и оборонительную тактику. Так, США начали войну в Ираке в 2003 г. на очень зыбкой почве, подобно России в вопросе о присоединении Крыма. В то же время в Афганистане в 2001 г. США реализовывали оборонительную тактику, а Россия, со своей стороны, делала это в ответ на программу глобальной противоракетной обороны вашингтонской администрации. Проблема в данном случае заключается в том, что само определение краткосрочных и долгосрочных национальных интересов остается зачастую спорным с позиции противоположной стороны и вызывает споры внутри общества.

Наконец, теория ревизионистского реализма дает Петерсону возможность акцентировать внимание читателя на глобальных тенденциях, которые оказывают непосредственное влияние на дей-

ствия государств и анализ которых требует использования междисциплинарных подходов, будь то пандемии, международный терроризм, экологические проблемы или перераспределение мировых энергоресурсов.

Полезным для студентов и преподавателей будет знакомство с предложенной автором периодизацией российских и американских внешнеполитических паттернов в корреляции с теоретическими выкладками. Так, во внешней политике России он выделяет несколько периодов. Первый приходится на горбачевскую перестройку (1985–1991) с характерной для нее концепцией новой внешней политики, обусловленной теорией реализма и стремлением защитить базовые экономические интересы страны в условиях растущих вызовов со стороны полицентричного мира. Второй период совпадает с президентством Б.Н. Ельцина (1991–2000) с присущим ему стремлением умиротворить Запад и вступить с ним в тесное взаимодействие, что, в свою очередь, обуславливает тяготение США к гегемонии и однополярности. Третий период включает первое президентство В.В. Путина (2000–2008), политика которого была нацелена на активизацию международной позиции России и возвращение ей былого величия после внешнеполитической пассивности ельцинского президентства. Теория наследия наряду с моделью баланса сил позволяет объяснить логику российской внешней политики в те годы. Наконец, четвертый период включает президентство Д.А. Медведева и второе президентство В.В. Путина. Это время отличает ужесточение политики величия, проявившейся в Грузии в 2008 г. и на Украине в 2014. Важно заметить, что в предложенной автором схеме явно не хватает внутривнутриполитического фактора, т. е. эволюции самого путинского режима с характерным для него прикладным антиамериканизмом, стремлением использовать американского Другого для решения внутривнутриполитических задач и консолидации национальной идеи.

Говоря об американских внешнеполитических паттернах, Петерсон также выделяет четыре периода. 1985–1993 гг., когда США были значительно активнее СССР/России. Модель однополярности прекрасно подходит для объяснения политики Дж. Буша-ст., а системная теория позволяет учесть степень влияния новых игроков в международном процессе. Для администрации У. Клинтона (1993–2001), столкнувшейся с вызовами на Балканах, в большей степени работающей является модель мултелатерализма (многосторонности). В то же время теория реализма проясняет политику США по защите национальных интересов в условиях роста межкультурных противоречий. Президентство Дж. Буша-мл. (2001–2008),

на которое приходится террористические акты 11 сентября 2001 г. и войны в Афганистане и Ираке, по мнению автора, лучше осмысливать с использованием модели хаоса. В качестве теоретической рамки для президентства Обамы (2009–2016), изобилующего критическими разворотами и отличающегося нарастанием глобальных вызовов, Петерсон предлагает теорию поворотных моментов и ревизионистского реализма.

Таблица частоты проявлений основных теорий и моделей в российско-американских отношениях в течение 25 лет после окончания холодной войны представляет особый интерес не только для студентов и преподавателей, но и для экспертов и политиков, поскольку она позволяет лучше понять рецепты стабильности (с. 159–161). На основе проведенного анализа Петерсон приходит к выводу, что отношения между странами должны выстраиваться посредством поиска баланса сил, осмысливаться посредством полицентричной модели, отражающей реалии постбиполярного мира, а также на основе реалистического подхода, позволяющего учитывать национальные интересы противоположной стороны. Следовательно, задача состоит в том, как отказаться от негативного влияния последствий холодной войны и взять на вооружение работающие модели российско-американских отношений и конструктивные подходы к их стабилизации. Пока она остается нерешенной.

В этой добротной сделанной политологической работе явно не хватает социально-конструктивистского видения двусторонних отношений, что позволило бы автору расширить объяснительную схему, в том числе и в рамках теории наследия. Ведь дело не только во влиянии традиций развития политического режима в России в президентство Путина, как он пишет на с. 26, но и в долгосрочной тенденции использования русского Другого в США и американского Другого в России для формирования национальной идентичности. Причины нового витка напряженности нужно искать в столкновении системы ценностей, интересов и амбиций двух стран. Их конфликтующие национальные идентичности, стремление использовать противоположную сторону в качестве козла отпущения для оправдания собственных провалов усложняют приведение к общему знаменателю несовпадающих интересов. Однако важно помнить, что эти идентичности не остаются статичными и не являются монолитными, а доминирующие американская и российская концепции исключительности сами по себе еще не делают конфликт неизбежным и оставляют пространство для прагматического взаимодействия.

Литература

- Legvold 2016 – *Legvold R.* Return to Cold War. Cambridge: Polity Press, 2016. 208 p.
Charap, Colton 2016 – *Charap S., Colton T.* Everyone Loses: The Ukraine Crisis and the Ruinous Contest for Post-Soviet Eurasia. New York: Routledge, 2016. 212 p.
Sarotte 2022 – *Sarotte M.E.* Not One Inch: America, Russia, and the Making of Post-Cold War Stalemate. Yale University Press, 2022. 568 p.
Stent 2014 – *Stent A.E.* The Limits of Partnership: U.S.-Russian Relations in the Twenty-First Century. Princeton University Press, 2014. 384 p.
Стент 2015 – *Стент А.* Почему Америка и Россия не слышат друг друга? Взгляд Вашингтона на новейшую историю. М.: Манн, Иванов и Фарбер, 2015. 464 с.

References

- Legvold, R. (2016), *Return to Cold War*, Polity Press, Cambridge, UK.
Charap, S. and Colton, T. (2016), *Everyone Loses: The Ukraine Crisis and the Ruinous Contest for Post-Soviet Eurasia*, Routledge, New York, USA.
Sarotte, M.E. (2022), *Not One Inch: America, Russia, and the Making of Post-Cold War Stalemate*, Yale University Press, UK.
Stent, A.E. (2014), *The Limits of Partnership: U.S.-Russian Relations in the Twenty-First Century*, Princeton University Press, USA.
Stent, A. (2015), *Pochemu Amerika i Rossiya ne slyshat drug druga? Vzglyad Vashingtona na noveishuyu istoriyu* [The Limits of Partnership: U.S. – Russian Relations in the Twenty-First Century], Mann, Ivanov i Farber, Moscow, Russia.

Информация об авторе

Виктория И. Журавлева, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; zhuravlevavic@mail.ru

Information about the author

Victoria I. Zhuravleva, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125047; zhuravlevavic@mail.ru